

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.225.237>

Тюркские ограды Жанажурт (Центральный Казахстан)

© 2024 г. Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А.

Keywords: early Middle Ages, Turks, history of study, memorial complex

Түйін сөздер: ерте орта ғасырлар, түркілер, зерттеу тарихы, еске алу кешені

Ключевые слова: раннее Средневековье, тюрки, история изучения, поминальный комплекс

Evgeniy Dmitriev^{1*}, Alexei Kukushkin¹ and Igor Kukushkin¹

^{1*}Corresponding author, Researcher, Karaganda Buketov University, Karagandy, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-1440-7675](https://orcid.org/0000-0002-1440-7675) E-mail: yevgenii1992@mail.ru

¹Doctor of Philosophy (PhD), Senior Researcher, Karaganda Buketov University, Karagandy, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-6262-464X](https://orcid.org/0000-0002-6262-464X) E-mail: tatarlandia@mail.ru

¹Candidate of Historical Science, Leading Researcher, Karaganda Buketov University, Karagandy, Kazakhstan. ORCID: [0000-0002-4798-8496](https://orcid.org/0000-0002-4798-8496) E-mail: sai@ksu.kz

Turkic fences of Zhanazhurt (Central Kazakhstan)

The study of memorial and ritual complexes is one of the important directions of Turkic problems. It is especially prioritized for the Central Kazakhstan region. Here, only the aspect connected with the statuary tradition is the most elaborated. The studies of monuments of the early Middle Ages for a long time had not a comprehensive character. They were rather few in number, especially against the background of the amount of work on complexes of other historical periods. During the last decade the works on Turkic fences have increased. This actualizes some generalization of the history of their study, implemented within the framework of this article. As a result, at the moment we have data on at least 34 constructions. The materials of the Zhanazhurt complex, where two freestanding quadrangular fences were excavated, are also being introduced into the scientific turnover. As for the purpose of the Turkic fences, based on written sources, as well as the results of field work, we can speak about their mainly memorial purpose. In fact, they are highly simplified and reduced analog of the Kagan-princely complexes of Mongolia. Taking into account the largely debatable nature of the chronological correlation of various types of fences, we consider it possible at the moment to date them in a wide time range within the second half of the 6th–8th/9th centuries.

Source of funding: The work was carried out with the financial support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan IRN of the project AR13067946.

For citation: Dmitriev, E., Kukushkin, A., Kukushkin, I. 2024. Turkic fences of Zhanazhurt (Central Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 2 (24), 225–237 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2024.2.24.225.237](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.225.237)

**Евгений Анатольевич Дмитриев^{1*},
Алексей Игоревич Кукушкин¹,
Игорь Алексеевич Кукушкин¹**

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті,
Қарағанды қ., Қазақстан

¹PhD, директор, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды
университеті, Қарағанды қ., Қазақстан

**Евгений Анатольевич Дмитриев^{1*},
Алексей Игоревич Кукушкин¹,
Игорь Алексеевич Кукушкин¹**

^{1*} автор-корреспондент, научный сотрудник,
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова,
г. Карағанды, Қазақстан

¹PhD, директор, Карагандинский университет
им. Е.А. Букетова, г. Карағанды, Қазақстан

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды қ., Қазақстан

Жаңажұрт түркі қоршаулары
(Орталық Қазақстан)

Ғұрыптық-салттық кешендерді зерттеу түркі проблематикасының маңызды бағыттарының бірі болып табылады. Бұл мүсіндік дәстүрмен байланысты аспект қана зерттелген Орталық Қазақстан өңірі үшін ерекше басымдыққа ие, ал ерте орта ғасырлардағы, әсіресе басқа тарихи кезеңдердің кешендеріндегі жұмыс көлемінің аясында ескерткіштерді зерттеу жұмысы ұзақ уақыт бойы кешенді сипатта болған жоқ және өте аз зерттелді. Соңғы онжылдықта түркі қоршауларындағы жұмыстар көбейді, бұл осы мақала аясында жүзеге асырылған олардың зерттеу тарихын жалпылауды өзектендіріп отыр. Нәтижесінде қазіргі уақытта бізде 34 құрылыс туралы мәлімет бар. Сондай-ақ екі жеке тұрған төртбұрышты қоршау қазылған Жаңажұрт кешенінің материалдары ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Түркі қоршаулары қандай мақсатта салынды деген мәселеде жазбаша дереккөздерге, сондай-ақ далалық жұмыстардың нәтижелеріне сүйене отырып, олардың негізінен ғұрыптық мақсатта орнатылғанын айтуға болады. Шын мәнінде, олар Моңғолияның қаған-князьдік кешендерінің өте қарапайым, әрі кішірейтілген аналогы болып табылады. Қоршаулардың көп түрінің хронологиялық қатынасына байланысты пікірталастың көп екенін назарға ала отырып, қазіргі уақытта оларды VI ғ. 2-ші жартысы – VIII/IX ғғ. деп ауқымды уақыт аралығына жатқызуға болады деп санаймыз.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен, ИРН АР13067946 жобасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А. Жаңажұрт түркі қоршаулары (Орталық Қазақстан). *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 2 (24). 225–237-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.225.237](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.225.237)

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан

Тюркские огады Жанажурт
(Центральный Казахстан)

Изучение поминально-ритуальных комплексов – одно из важных направлений тюркской проблематики. Оно особо приоритетно для центрально-казахстанского региона, где наиболее проработан лишь аспект, связанный со статуарной традицией, а исследования памятников раннего средневековья длительное время в целом имели не комплексный характер и были довольно малочисленными, особенно на фоне объема работ на комплексах других исторических периодов. За последнее десятилетие количество работ на тюркских огадах увеличилось, что актуализирует некоторое обобщение истории их изучения, реализованное в рамках данной статьи. В настоящее время мы располагаем данными о 34 сооружениях. Вводятся в научный оборот материалы комплекса Жанажурт, где раскопаны две отдельно стоящие четырехугольные огадки. В вопросе назначения тюркских огад, опираясь на письменные источники, а также результаты полевых работ, можно говорить об их преимущественно поминальном назначении. Фактически, они являются сильно упрощенным и уменьшенным аналогом каганско-княжеских комплексов Монголии. Принимая во внимание во многом дискуссионный характер хронологического соотношения различных видов огад, считаем возможным на данный момент датировать их широким временным диапазоном в рамках 2-й половины VI–VIII/IX в.

Источник финансирования: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, ИРН проект АР13067946.

Для цитирования: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А. Тюркские огады Жанажурт (Центральный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2024. № 2 (24). С. 225–237.

[DOI: 10.52967/akz2024.2.24.225.237](https://doi.org/10.52967/akz2024.2.24.225.237)

1 Введение (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А.)

Четырехугольные огады с каменной забутовкой, нередко сопровождающиеся статуарными объектами, известны в большом количестве в центральноазиатском регионе и являются одной из отличительных черт тюркской культуры. Они привлекали внимание исследователей еще в дореволюционное время [Захаров 1926]. На данный момент достигнуты определённые успехи в их изучении, в особенности сибирскими коллегами, усилиями которых, в частности, были разработаны разнообразные схемы классификации, типологии и хронологии [Кубарев 1984; Худяков 1985; Серегин,

Шелепова 2015]. Большой вклад в исследование тюркской мемориально-культурной архитектуры и мировоззрения внесён В.Е. Войтовым [Войтов 1996], долгие годы занимавшимся изучением комплексов на территории Монголии. Им была предложена оригинальная схема их хронологии [Войтов 1996: 30], которая по сей день применяется для предварительной датировки оград.

Изучение тюркских памятников в Центральном Казахстане является одной из приоритетных задач. Однако следует отметить во многом некомплексный характер исследований, т. к. продолжительное время внимание было акцентировано сугубо на тюркской статуарной традиции [Маргулан 2003; Ермоленко 2004; Касенова 2020]. В то же время погребальная обрядность вплоть до настоящего времени не обладает подобной полнотой данных.

В последнее десятилетие в исследовании тюркских оград наметилась позитивная тенденция – количество раскопанных объектов значительно увеличилось. Вскользь об изученных памятниках ранее упоминалось в ряде статей [Дмитриев, Жусупов 2018; Касенова 2019], однако нельзя не отметить несколько обобщённый характер изложения сведений, ограничивающийся в основном указанием наименований памятников.

В рамках данной статьи предлагается обратиться к истории изучения тюркских оград в Центральном Казахстане, а также вводятся в научный оборот результаты исследований нового комплекса, получившего название Жанажурт.

2 История изучения *(Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.)*

Первые задокументированные раскопки тюркской ограды были осуществлены Л.Р. Кызласовым в 1948 г. в горах Бегазы (Актогайский р-н, Карагандинская обл.). Комплекс состоял из двух отдельно стоящих сооружений и был вытянут по линии северо-восток–юго-запад. Исследована была юго-западная ограда, размеры которой составили 2.6×2.6 м. В процессе разбора камней забутовки обнаружены фрагменты костей МРС. С юго-восточной стороны сооружения находилось антропоморфное погрудное изваяние [Кызласов 1951: 55, рис. 1].

В 1980 г. Л.Н. Ермоленко были проведены исследования комплекса из пяти отдельно стоящих, частично разрушенных оград на р. Копа (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.), которые были вытянуты по линии север–юг. Раскопаны три сооружения с южного края. Их размеры составили 2.25×2.4 м (южное), 2.1×2.9 м (среднее) и 2.5×2.4 м (северное). После разбора каменного заполнения оград установлено, что все они имели в центральных частях ямки, в одной из которых обнаружен фрагмент древесного ствола. К северным стенкам этих оград примыкали жертвенники – скопления золы, а также в двух случаях каменные ящички. За пределами и внутри объектов зафиксированы угольки и фрагменты костей. С внешней стороны двух оград обнаружены столбовые ямки. Судя по плану, с восточной стороны южного и центрального сооружения находились два обломленных статуарных объекта [Ермоленко 2004: 30, рис. 7; 8; 9, 20].

Спустя два года В.В. Евдокимовым был исследован комплекс Дау-Кара, который находится в 20 км юго-восточнее пос. им. Касыма Аманжолова (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.). Он состоял из двух частично разрушенных отдельно стоящих оград. Комплекс был вытянут по линии север-северо-запад–восток-юго-восток. Оба сооружения имели двуслойную каменную забутовку, а их размеры составили 2.85×2.0 м (северное) и 2.8×2.3 м (южное). Во внутреннем пространстве оград на уровне материка зафиксированы углубления с заполнением чёрного цвета, а также столбовые ямки, предназначенные, по мнению Л.Н. Ермоленко и В.В. Евдокимова, для какой-то конструкции, возможно, предполагавшей вывешивание жертвенных приношений. У «северной» оградки с восточной стороны находилось поваленное погрудное изваяние [Ермоленко, Евдокимов 2013].

В 2009-2010 гг. осуществлены исследования тюркских комплексов, расположенных на левобережье р. Кумай, у подножия Буйратау (Ерейментауский р-н, Акмолинская обл.). На памятнике

Кос батыр раскопана цепочка из двух оград, ориентированная по линии север–юг. Северный объект имел размеры 1.25×2.25×2.35×2.05 м, а южный – 2.2×1.75×2.05×2.08 м. С восточной стороны обоих сооружений были установлены поясные изваяния. В процессе раскопок обнаружены фрагментированные кости черепа лошади, а в центральной части одного из объектов выявлено золистое пятно [Досымбаева, Нускабай 2012: 22–27]. На комплексе Карагайлы 1 исследована ограда с поясным антропоморфным изваянием [Досымбаева, Нускабай 2012: 27–31].

Комплекс Карагайлы 2 состоял из двух отдельно стоящих оград и был вытянут по линии ССЗ–ЮЮВ. Северный объект имел размеры 2.0×1.45×1.8×1.9 м. В центральных частях обоих сооружений после разбора каменной забутовки обнаружены выкладки, под которыми находились фрагменты костей в углисто-золистом слое, а также в одном случае зафиксированы фрагменты древесного ствола [Досымбаева, Нускабай 2012: 67–72].

В 2011 г. отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана проводились исследования двух комплексов оград Ак-Койтас IV, расположенных в долине р. Дагандалы (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.) [Байтанаев и др. 2014: 661–663]. Комплекс 1 представлял собой сооружение размерами 1.4×1.25 м с поваленной стелой. Во внутреннем пространстве ограды в яме с золистым заполнением обнаружены железные наконечники стрел, удила, а также бронзовые бляшки.

Комплекс 2 представлял собой три отдельно стоящие ограды и был вытянут с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Северное сооружение имело размеры 2.9×2.6 м, центральное – 2.75×2.2 м, южное – 2.8×2.5 м. В центральном объекте обнаружена обломленная стела (длина до 2.87 м), основание которой было установлено в ямку во внутреннем пространстве ограды.

На могильнике Соран I (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.), который находится в 3 км северо-западнее гор Аккойтас, исследована одиночная ограда размерами 3×2.8 м, ориентированная углами по сторонам света, стенки которой сложены из камней и плит. В центральной части была вкопана стела размерами 2.7×0.5×0.25 м, с северо-западной стороны к ней примыкал миниатюрный каменный ящичек [Пересветов 2015].

Ещё один комплекс тюркских оград был раскопан в 2014 г. на разновременном некрополе Танабай, расположенном в 1,5 км северо-восточнее пос. Тортколь (Бухаржырауский р-н, Карагандинская обл.). Он состоял из трёх сооружений (северное размерами 2.4×2×1.8×1.7 м, центральное – 2×1.8×1.9×1.6 м и южное – 2×1.85×1.75×1.85 м) и был вытянут с северо-запада на юго-восток. У некоторых оград с северо-восточной стороны находились статуарные объекты. При разборе насыпи южного сооружения обнаружены фрагмент изделия из глины и кости черепа МРС [Дмитриев, Журупов 2018: 144–154].

Некоторое своеобразие на фоне раскопанных оград в центрально-казахстанском регионе имеет памятник Кабантау, исследованный в 2018 г. в долине реки Атасу. Он представляет собой атрактивный вариант многоплитного комплекса. Дугообразно вытянутая цепочка состоит из шести сооружений (ограда 1 – размерами 1.5×1.5 м со стелой с восточной стороны; ограда 2 – размерами 3×3 м; ограда 3 – размерами 2.8×2.8 м со стелой с восточной стороны и 11 балбалами; ограда 4 – размерами 1.8×1.5 м со стелой с восточной стороны; ограда 5 – размерами 3.5×3.5 м со стелой и девятью балбалами с восточной стороны; ограда 6 – размерами 3×2.6 м с двумя стелами и четырьмя балбалами с восточной стороны). В процессе раскопок были обнаружены бронзовая пряжка с железным язычком, железная пластина с отверстиями и фрагментированные кости животного [Бейсенов и др. 2018].

В этом же году на святилище Ащекен Сораны (Каркаралинский р-н, Карагандинская обл.) сплошным раскопом охвачены курганы и цепочка из семи оград различной формы, а также два жертвенника [Кукушкин и др. 2019]. Однако необходимо подчеркнуть, что памятник имеет довольно своеобразные характеристики, а полученный скудный материал неоднозначен в плане да-

тировки. В настоящее время планируется проведение радиоуглеродного датирования органических образцов с целью установления его возраста и до того момента предлагается оставить открытым вопрос о культурно-хронологической позиции памятника, несмотря на тот факт, что планиграфия памятника сопоставима с тюркскими комплексами Алтая, такими как Барбургазы I и Юстыд XII [Кубарев 2005: табл. 20; 70].

В 2019 г. был раскопан комплекс из шести дугообразно вытянутых оград Акбауыр, который находится в 4.5 км восточнее–юго-восточнее пос. Байбала (Шетский р-н, Карагандинская обл.). Ограда 1 – размерами 2×1.9 м, ограда 2 – 2×1.9 м, ограда 3 – 1.9×1.7 м с разрушенным миниатюрным ящичком в центре, ограда 4 – размерами 1.9×1.7 м; ограда 5 – 1.5×1.4 м, ограда 6 – 2.4×1.95 м с изваянием у восточного угла. Предметный комплекс представлен железным гвоздем [Дмитриев и др. 2020].

Экспедицией Центра археологических исследований им. А.Х. Маргулана при Павлодарском государственном университете в 2019 г. была исследована одиночная ограда, расположенная в горном массиве Калмаккырган (Майский р-н, Павлодарская обл.). Она представляла собой сооружение размерами 2×2 м с поваленными стелой и антропоморфным изваянием и была ориентирована углами по сторонам света. Среди камней, заполнявших ограду, обнаружена каменная мотыга. В самой ограде выявлены ямы, заполненные золистой супесью, содержавшие кости животных и медную заклёпку. Неподалеку от ограды обнаружены железные гвозди и несомкнутое кольцо [Мерц и др. 2020: 492-493].

В урочище Таскора (Майский р-н, Павлодарская обл.) в 2023 г. в ходе комплексных исследований памятников раннесредневекового населения, были раскопаны две рядом стоящие тюркские ограды, вытянутые по линии север–юг. Их размеры составили 1×1 м и 1.2×1.3 м. С внешней, восточной стороны северной ограды находилось погрудное каменное изваяние. В обоих сооружениях в центральных частях зафиксированы ямы овальной формы, в одной из которых, в частности, обнаружены фрагменты дерева и костей животных [Грушин и др. 2024].

Таким образом, в настоящее время мы можем оперировать в центрально-казахстанском регионе материалами, полученными при исследовании, по крайней мере, 34-х оградок (без учёта оград святилища Ащекен Сораны). К ним добавляются еще две ограды Жанажурт, речь о которых пойдет ниже. Данное обстоятельство актуализирует в дальнейшем их углубленный сравнительный анализ, классификацию и конкретизацию хронологической позиции.

3 Характеристика материала (Кукушкин И.А.)

Комплекс Жанажурт (Шетский р-н, Карагандинская обл.) находится на территории Талдинского историко-археологического парка, в 93 км юго–юго-восточнее г. Караганды, в 12.6 км восточнее пос. Талды, в 1.6 км юго-западнее пос. Жанажурт и расположен на относительно ровной площадке. В 2022 г. памятник был исследован экспедицией Сарыаркинского археологического института под руководством А.И. Кукушкина и Е.А. Дмитриева.

До раскопок комплекс представлял собой две отдельно стоящие на расстоянии 1.6 м задернованные ограды и был ориентирован по линии север–юг. Осмотр близлежащей площадки не выявил статуарных объектов. На памятнике был разбит сплошной четырехугольный раскоп размерами 11×5.5 м (рис. 1).

Сооружение № 1 – северное в цепочке (рис. 2). До раскопок оно представляло собой задернованную четырехугольную ограду, визуально фиксировавшуюся по камням заполнения и плитам стенок. После снятия дернового слоя и расчистки конструкции было установлено, что сооружение представляло собой многоплитную ограду, внутреннее пространство которой размерами 4.1×3.95 м имело каменное заполнение. Ограда была ориентирована стенками по сторонам света с незначи-

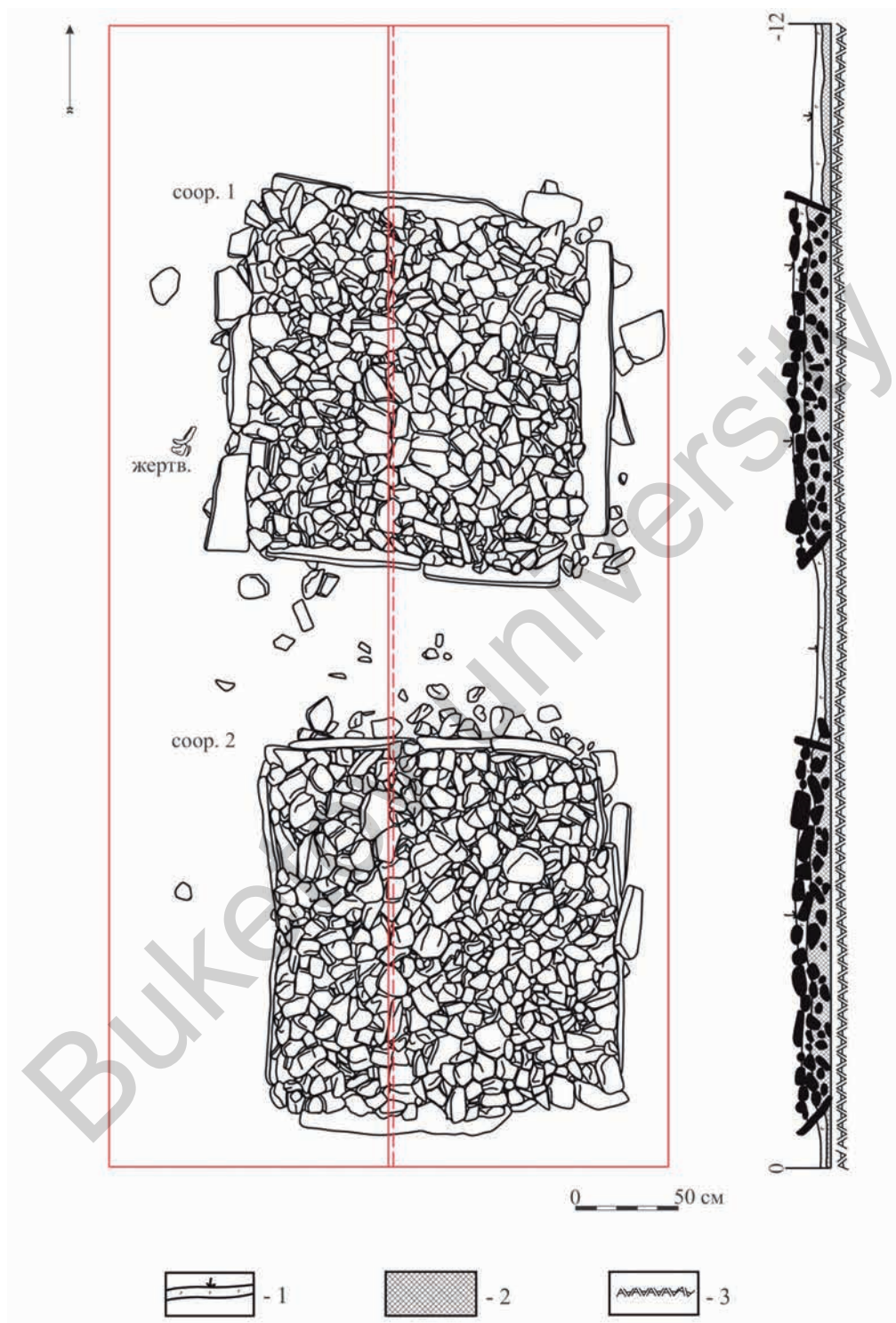

Рис. 1. Комплекс Жанажұрт, план и профиль: 1 – дёрн; 2 – слой коричневого цвета; 3 – материк
1-сур. Жаңажұрт кешені, жоспары мен профілі: 1 – шымтезек, 2 – қоңыр түсті қабат; 3 – материк

Fig. 1. Zhanazhurt complex, plan and profile: 1 – turf, 2 – brown layer; 3 – mainland

Рис. 2. Комплекс Жанажурт. Фото оград (с севера)
2-сур. Жаңажұрт кешені. Қоршаулардың фотосуреті (солтүстіктен)
Fig. 2. Zhanazhurt complex. Photo of fences (from the north)

тельными отклонениями. Северная стенка имела длину 3 м и состояла из трёх плит размерами 0.45–1.85×0.4–0.6×0.8 м. Все плиты были наклонены наружу. Западная стенка длиной 2.9 м состояла из двух плит, одна из которых слегка наклонилась наружу, а вторая была продольно обломлена на две части. Размеры плит составили 0.95–1.95×0.35–0.4×0.06–0.08 м. Восточная стенка состояла из одной, наклонившейся наружу плиты размерами 3×0.5×0.1 м. Южная стенка была длиной 2.95 м. Она состояла из двух слегка завалившихся наружу плит размерами 1.4–1.55×0.4–0.45×0.07–0.08 м. С внешней стороны, преимущественно с восточной и западной, плиты ограды были частично укреплены мелкими и средними по размеру камнями. Внутренне пространство ограды состояло из наброса камней, смешанного с грунтом, монолитного по своему содержанию до уровня материка. В центральной части сооружения после разбора заполнения забутовки была обнаружена вертикально установленная каменная плита длиной до 0.5 м, высотой до 0.4 м, установленная на материковом слое (рис. 3). Рядом был расчищен наброс из нескольких, довольно крупных камней. На данный момент проблематично установить назначение выявленного скопления. Возможно, оно представляло своеобразное гнездо, для закрепления какого-либо вертикального объекта, не сохранившегося на момент раскопок. В 0.3 м снаружи западной стенки расчищен жертвенник, содержащий челюсти крупного животного. Других находок не обнаружено. Реконструируемые первоначальные размеры сооружения составляют около 3.1×2.9 м. По окончании раскопок была осуществлена рекультивация объекта.

Сооружение № 2 – южное в цепочке. До раскопок оно представляло собой задернованную четырёхугольную ограду, стенки которой выступали над уровнем современной дневной поверхно-

Рис. 3. Комплекс Жанажұрт. Скопление камней и плита в центральной части сооружения № 1 3-сур. Жаңажұрт кешені. № 1 құрылыстың орталық бөлігінде тастар мен плиталардың жиналуы
Fig. 3. Zhanazhurt complex. Stone accumulation and a slab in the central part of structure no. 1

сти. После снятия слоя дёрна, расчистки камней и стенок объекта было установлено, что ограда относится к разновидности многоплитных. Её размеры с учётом развала стенок составили 4.2×3.8 м. Сооружение было ориентировано стенками по сторонам света. Северная стенка ограды достигала в длину 3 м и состояла из трёх плит, слегка наклонившихся наружу. С внешней стороны она была укреплена средними и мелкими по размеру камнями. Размеры плит стенки составили 0.85–1.3×0.35–0.37×0.09–0.1 м. Западная стенка ограды была длиной 3.25 м и состояла из двух плит, слегка наклоненных наружу. Размеры плит составили 1.6–1.65×0.4–0.45×0.09–0.1 м. Восточная стенка длиной 3.2 м состояла из двух завалившихся наружу плит размерами 0.7–2.5×0.4–0.45×0.08–0.1 м и была укреплена снаружи в нескольких местах крупными плитками. Южная стенка имела длину 2.7 м. Она состояла из двух сильно наклонившихся наружу плит, одна из которых была продольно обломлена. Размеры плит составили 0.5–2.2×0.35–0.6×0.09–0.1 м. Внутреннее пространство ограды было заполнено камнями в несколько слоёв до уровня материка. В ходе исследования объекта находок не обнаружено. Реконструируемые первоначальные размеры сооружения составляют около 3.2×3.0 м. По окончании раскопок была осуществлена рекультивация объекта.

4 Обсуждение и выводы (Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А.)

Исследованные ограды Жанажұрт бесспорно относятся к тюркской культуре, а их аналоги широко известны в центральноазиатском регионе. Они нередко образуют цепочки из различного

числа сооружений. К примеру, комплексы из двух объектов раскопаны на памятниках Большой Курманак-I [Серегин, Васютин 2019а], Нижняя Сору, Кер-Кечу [Васютин 2009], Усть-Карасу [Серегин, Васютин 2019б], Устийн Ам [Идэрхангай, Серегин 2022], Улаан худаг I [Горбунов и др. 2007] и др.

В вопросе назначения тюркских оград большую ценность имеют китайские династийные хроники Чжоу-шу, Суй-шу и Тан-шу, переводы которых выполнены Н.Я. Бичуриным [1950: 230], Р.Ф. Итсом [1958: 102-103] и Лю Мао-цаем [1958: 42], а также собственно тюркские письменные источники. Не вдаваясь в детали, в целом, можно отметить их поминальный характер. Вероятно, огады являются сильно упрощенным и уменьшенным аналогом каганско-княжеских комплексов Монголии. В Казахстане близкое сооружение известно на памятнике Елеке сазы [Самашев 2022]. Однако не противоречит вышеизложенному и тот факт, что на раннем, кызыл-ташском этапе, памятники которого открыты в Российском Алтае, часть из них может являться кенотафами [Могильников 1992: 176] и, возможно, отражает обычаи предшествующей булан-кобинской культуры [Тишкин, Серегин 2013: 77-78].

Вопросы классификации и хронологии тюркских оград остаются дискуссионными. В различные годы к данной проблеме обращались А.А. Гаврилова [1965: 16, 18], В.Д. Кубарев [1979], Ю.С. Худяков [1985], С.С. Матренин, Д.Е. Сарафанов [2006], Н.Н. Серегин, Е.В. Шелепова [2015] и др. К примеру, согласно В.Е. Войтову, многоплитные комплексы относятся к эпохе Первого Тюркского каганата, а четырехплитные – ко Второму. В основе этой гипотезы лежит следующая закономерность: на территории Монголии в ранних каганско-княжеских мемориальных комплексах известны многоплитные ящики, в поздних – четырехплитные [Войтов 1996].

Обращаясь к центрально-казахстанским материалам, необходимо отметить отсутствие подобных обобщающих исследований. Думается, обозначенный выше объем источников позволит обратиться к вопросу классификации в ближайшее время. Более проблемным является вопрос хронологического соотношения исследованных оград, осложняющийся практически полным отсутствием датированных предметов.

Если говорить об общих хронологических рамках, то мы опираемся, во-первых, на результаты радиоуглеродного датирования гуннских комплексов в центрально-казахстанском регионе, верхняя граница которых доходит до 1-й пол. VI в. [Бейсенов 2017; Бейсенов и др. 2018]; во-вторых, на предполагаемое время распространения кыпчакских/кимацких комплексов, определяемое IX в. [Археология ... 1981: 190]. Конечно, верхняя граница в некотором роде более дискуссионная и, вероятно, будет скорректирована в дальнейшем.

Таким образом, принимая во внимание во многом проблемный характер соотношения различных видов оград, считаем возможным на данный момент датировать их широким временным диапазоном в рамках 2-й пол. VI–VIII/IX в. Можно отдельно указать, что этому времени соответствует и первое полученное для центрально-казахстанских тюркских комплексов радиоуглеродное AMS-определение, выполненное по материалам могильника Кетабан, датирующее его 1-й пол. VII в. [Дмитриев, Кукушкин 2023: 132, табл. 1].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Археология СССР. Т. 18. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Институт археологии АН СССР, «Наука», 1981. 303 с.
- 2 Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Культурно-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долина батыров» // Восхождение к вершине археологии / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА МОН РК, 2014. С. 659-668.
- 3 Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. В 2-х т. Т. 2. / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: ИА МОН РК, НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 31-37.

- 4 Бейсенов А.З., Хасенова Б.М., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Курган с «усами» Кабантау в Центральном Казахстане // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 64-76.
- 5 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.
- 6 Васютин А.С. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2009. № 5. С 87-94.
- 7 Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Гос. музея Востока, 1996. 152 с.
- 8 Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 110 с.
- 9 Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан Худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. 2007. Вып. 3. С. 62-68.
- 10 Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К. Исследования памятников тюркского времени в горном массиве Калмаккырган (Северо-Восточная Сарыарка): предварительное сообщение // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Гл. ред. А.А. Тишкин. 2024. Вып. XXX. С. 152-160.
- 11 Дмитриев Е.А., Жусупов Д.С. Тюркские оградки могильника Танабай в контексте исследований раннесредневековых памятников Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1 (21). С. 144-154.
- 12 Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Тюркский кенотаф из Центрального Казахстана (по материалам могильника Кетабан) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 3 (21). С. 125-135.
- 13 Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А. Древнетюркские оградки Акбауыр // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2020. № 2. С. 36-50.
- 14 Досымбаева А., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана: Типография Service Press, 2012. 146 с.
- 15 Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
- 16 Ермоленко Л.Н., Евдокимов В.В. Средневековые изваяния из музея археологии Карагандинского университета // Археологические исследования степной Евразии / Гл. ред. В.Г. Ломан. Караганда: TENGRI Ltd., 2013. С. 201-208.
- 17 Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г.) // Труды Государственного исторического музея. 1926. Вып. 1. С. 71-106.
- 18 Идэрхангай Т.О., Серегин Н.Н. Тюркские оградки комплекса Устийн Ам (Центральная Монголия) // Народы и религии Евразии. 2022. № 2. С. 28-38.
- 19 Итс Р.Ф. О каменных изваяниях в Синьцзяне // Советская этнография. 1958. № 2. С. 100-103.
- 20 Касенова А.Д. Изучение тюркских каменных изваяний Сарыарки на современном этапе // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 47-60.
- 21 Касенова А.Д. Каменные изваяния Сарыарки (история изучения). Алматы: Альфапринт, 2020. 196 с.
- 22 Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
- 23 Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск: Наука, 1979. С. 135-160.
- 24 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- 25 Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Предварительные результаты исследований памятников тюркского времени Центрального Казахстана в 2018 году // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 2019. Кн. 1. С. 135-137.
- 26 Кызласов Л.Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1951. № 108. Вып. 3. С. 53-63.

- 27 Маргулан А.Х. Сочинения (Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау). Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3-4. 246 с.
- 28 Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Под. ред. В.И. Соенова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, 2006. Вып. 3-4. С. 203-218.
- 29 Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова Е.Д. Археологические исследования в горах Калмаккырган (Майский район Павлодарской области) // Маргулановские чтения–2020. В 2-х т. Т. 2 / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 483-497.
- 30 Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы, 1992. С. 175-212.
- 31 Пересветов Г.Ю. Каменные оградки с центральной стелой раннего железного века и тюркским изваянием (к вопросу о времени сооружения) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Т. 2. С. 634-642.
- 32 Самашев З. Образ тюркского кагана в торевтике малых форм (по материалам культово-поминального комплекса Елеке сазы в Восточном Казахстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 4. С. 163-190.
- 33 Серегин Н.Н., Васютин С.А. Тюркские оградки комплексов Большой Курманак-I и II (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Народы и религии Евразии. 2019а. № 1 (18). С. 37-49.
- 34 Серегин Н.Н., Васютин С.А. Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. 2019б. № 2 (28). С. 32-46.
- 35 Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 168 с.
- 36 Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2 (8). С. 75-81.
- 37 Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 168-184.
- 38 Liu Mautsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'uküe). Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1958. I. 831 s.

REFERENCES

- 1 *Arheologiya SSSR (Archaeology of USSR)*. 1981. Т. 18. *Stepi Evrazii v epohu srednevekoviya (Vol. 18. Steppes of Eurasia in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 2 Baitanayev, B. A., Akhatov, G. A., Kazizov, E. S. 2014. In: Baipakov, K. M. (ed.). *Vshozhdenie k vershinam arheologii (Climbing to the heights of archaeology)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 659-668 (in Russian).
- 3 Beisenov, A. Z. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.) *Arheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and preservation)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; "Begazy-Tasmola" Publ., 31-37 (in Russian).
- 4 Beisenov, A. Z., Khassenova, B. M., Akhiyarov, I. K., Duisenbay, D. B. 2018. In: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra (Bulletin of the Dagestan Scientific Center)*, 71, 64-76 (in Russian).
- 5 Bichurin, N. Y. 1950. *Sobranie svedenii o narodah, obitavshih v Srednei Azii v drevnie vremena (Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of sciences (in Russian).
- 6 Vasyutin, A. S. 2009. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 5, 87-94 (in Russian).
- 7 Voitov, V.E. 1996. *Drevnetyurkskiy panteon i model mirozdaniya v kultovo-pominalnykh pamyatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (The ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult and memorial monuments of Mongolia in the 6th–8th centuries.)*. Moscow: State Museum of Oriental Art (in Russian).

- 8 Gavrilova, A. A. 1965. *Mogilnik Kudyрге kak istochnik po istorii altayskikh plemen (Kudyрге burial ground as a source on the history of Altai tribes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 9 Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A., Jerdjenjebaatar, D. 2007. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 3, 62-68 (in Russian).
- 10 Grushin, S. P., Merts, I. V., Merts, V. K. 2024. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altaiskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory)*, 30, 152-160 (in Russian).
- 11 Dmitriev, E. A., Zhusupov, D. S. 2018. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 1 (21), 144-154 (in Russian).
- 12 Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2023. In: *Kazahstan arheologiyasy (Kazakhstan archeology)*, 3 (21), 125-135 (in Russian).
- 13 Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I., Kukushkin, I. A. 2020. In: *Kazahstan arheologiyasy (Kazakhstan archeology)*, 2, 36-50 (in Russian).
- 14 Dosymbayeva, A., Nuskabay, A. 2012. *Tyurkskiy arheologo-etnograficheskiy kompleks Kumay (Turkic archaeological-ethnographic complex Kumay)*. Astana: “Service Press” Publ. (in Russian).
- 15 Ermolenko, L. N. 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazhstanskikh stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) (Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS (in Russian).
- 16 Ermolenko, L. N., Evdokimov, V. V. 2013. In: Loman, V. G. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya stepnoy Evrazii (Archaeological studies of steppe Eurasia)*. Karaganda: TENGRI Ltd Publ., 201-208 (in Russian).
- 17 Zakharov, A. A. 1926. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja (Proceedings of the State Historical Museum)*, 1, 71-106 (in Russian).
- 18 Idjerhangaj, T. O., Seregin, N. N. 2022. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and religions of Eurasia)*, 2, 28-38 (in Russian).
- 19 Its, R. F. 1958. In: *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 2, 100–103 (in Russian).
- 20 Kasenova, A. D. 2019. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 2 (28), 47-60 (in Russian).
- 21 Kasenova, A. D. 2020. *Kamennye izvayaniya Saryarki (istoriya izuchenija) (Stone sculptures of Saryarka (history of study))*. Almaty: “Al’faprint” Publ. (in Russian).
- 22 Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetjurkskie izvayaniya Altaja (Ancient Turkic sculptures of Altai)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 23 Kubarev, V. D. 1979. In: Pogožheva, A. P. (ed.). *Novoe v arheologii Sibiri i Dalnego Vostoka (New in the archaeology of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 135-160 (in Russian).
- 24 Kubarev, G. V. 2005. *Kultura drevnih tjurok Altaja (po materialam pogrebalnyh pamjatnikov) (Culture of the ancient Turks of Altai (based on materials from funeral monuments))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS Publ. (in Russian).
- 25 Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2019. In: Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij (Nomadic empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary research)*. Book 1. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the SB RAS, 135-137 (in Russian).
- 26 Kyzlasov, L. R. 1951. In: *Izvestija Akademii nauk KazSSR. Serija arheologicheskaja (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeological series)*, 3 (108), 53-63 (in Russian).
- 27 Margulan, A. K. 2003. *Sochinenija (Petroglify Saryarki. Gravjuri s izobrazheniem volchiego totema. Kamennye izvayaniya Ulytau) (Petroglyphs of Saryarka. Engravings depicting a wolf totem. Stone sculptures of Ulytau)*. Vol. 3-4. Almaty: “Dajk-Press” Publ. (in Russian).
- 28 Matrenin, S. S., Sarafanov, D. E. 2006. In: Soenov, V. I., Ojnoshev, V. P. (eds.). *Izuchenie istoriko-kulturnogo nasledija narodov Juzhnoj Sibiri (Studying the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia)*, 3-4. Gorno-Altajsk: Agency for Cultural and Historical Heritage of the Altai Republic, 203-218 (in Russian).

- 29 Merts, V. K., Merts, I. V., Demidkova, E. D. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chtenija–2020 (Margulan Readings–2020)*. In 2 vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 483-497 (in Russian).
- 30 Mogilnikov, V. A. 1992. In: *Materialy k izucheniju proshlogo Gornogo Altaja (Materials for studying the past of Altai Mountain)*. Gorno-Altajsk: Altai Mountain Research Institute of History, Language and Literature, 175-212 (in Russian).
- 31 Peresvetov, G. Y. 2015. In: *Drevnie kultury Severnogo Kitaja, Mongolii i Bajkalskoj Sibiri (Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia)*. Vol. 2. Huh-Hoto, 634-642 (in Russian).
- 32 Samashev, Z. 2022. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 4 (34), 163-190 (in Russian).
- 33 Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tjurkskie ritualnye komplekсы Altaja (2-ya polovina I tys. n.e.): sistematizaciya, analiz, interpretatsiya (Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of the 1st millennium BC): systematization, analysis, interpretation)*. Barnaul: “AZBUKA” Publ. (in Russian).
- 34 Seregin, N. N., Vasyutin, S. A. 2019a. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and religions of Eurasia)*, 1 (18), 37-49 (in Russian).
- 35 Seregin, N. N., Vasyutin, S. A. 2019b. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)*, 2 (28), 32-46 (in Russian).
- 36 Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2013. In: *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (8), 75-81 (in Russian).
- 37 Khudyakov, Y. S. 1985. In: Vasilevskiy, R. S. (ed.). *Drevnie kultury Mongolii (Ancient cultures of Mongolia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 168-184 (in Russian).
- 38 Liu Mau-tsai. 1958. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, I.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 06.03.2024.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.05.2024.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 22.05.2024.

